

УДК 811.161.1'27

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-148-155

Л. П. Иванова
Киев, УкраинаL. P. Ivanova
Kiev, UkraineЖАНРОВЫЕ ОСНОВАНИЯ
ЛИНГВОИМАГОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗАGENRE BASE
OF LINGVOIMAGOLOGICAL ANALYSIS

Аннотация. Лингвоимагология – новое направление языкознания в рамках теории коммуникации, призванное отобразить образ, имидж (отсюда термин) одного народа или страны в языковом сознании другого народа; его вербализацию и исследует лингвоимагология. Предметом ее являются оценка, стереотип, ритуал, прецедентность, паралингвистическая ситуация.

Естественно, оценка и другие перечисленные явления предстают в текстах прежде всего как индивидуальные впечатления, однако с опорой на концепцию В. М. Солнцева можно утверждать, что эти индивидуальные впечатления, с одной стороны, являются вариантами по отношению к подобной рецепции другого автора, с другой стороны, они выступают вариантами по отношению к инварианту – национальному мировидению.

Естественно, к анализу должны привлекаться тексты наиболее ярких и талантливых представителей данного народа.

Достоверность наблюдений во многом обеспечивает текстовый материал, организованный в жанры. По нашим наблюдениям, наиболее адекватными для лингвоимагологического исследования являются письма, путевые заметки, некоторые публицистические статьи и даже художественные произведения. Ценность изучаемого материала обусловлена прежде всего талантом, объективностью и личностью автора.

В качестве примера реализации разных жанров рассмотрели образ Англии и англичан в записках Е. Р. Даиковой, письмах Д. И. Фонвизина, создающегося жанра писем путешественника, принадлежащих перу Н. М. Карамзина, а также в журнальных статьях А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Ключевые слова: лингвоимагология, жанры (письма, записки, путевые заметки, журнальная публицистика), инвариант / вариант, Англия и англичане, Е. Р. Даикова, Д. И. Фонвизин, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь.

Abstract. Lingvomatology is a new branch of linguistic theory of communication it describes the image (hence the term) of one people or a country in the linguistic consciousness of other people; lingvomatology studies its verbalization. The subject of lingvomatology is an assessment, stereotypes, rituals, precedent phenomena, paralinguistic situations.

Naturally, assessment and other mentioned phenomena appear in the texts primarily as individual impressions, however, relying on V.M.Solntsev's concept, one can state that these individual experiences, on the one hand, are the variants in relation to a similar reception of another author, on the other hand, they are the variants in relation to the invariant - national worldview.

Of course, the texts of the brightest and most talented representatives of the people should be analysed in a research paper.

The reliability of studies in many ways is provided by the textual material organized in genres. Our data indicate that the most adequate texts for lingvomatology research are letters, travel notes, some publicist articles, and even works of belles-lettres. The value of the material is primarily stipulated by the talent and personality of the author.

As an example, the image of England and the Englishmen created in E. E. Dashkova's memoirs, D. Fonvizin's letters, N. Karamzin's traveler's letters, as well as A. Pushkin's and N. Gogol's publicist works are analysed in the article.

Key words: lingvomatology, genres (epistolary, memoirs, traveler's letters, publicist works), invariant/variant, England, Englishmen, E. Dashkova, D. Fonvizin, N. Karamzin, A. Pushkin, N. Gogol.

Сведения об авторе: Иванова Людмила Петровна, доктор филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка

Место работы: Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова

E-mail: lupiv@mail.ru

About the author: Ivanova Lyudmila Petrovna, Doctor of philology, Professor of Russian language department
Place of employment: National Pedagogical Dragomanov University, Kiev

Лингвоимагология – новое направление современного языкознания, изучающее образ, имидж (отсюда термин) народа или страны в глазах другого народа. Лингвоимагология сформировалась на базе имагологии – направления сравнительно-исторического литературоведения. Имея в

принципе совпадающие цели, указанные направления различаются прежде всего следующим: 1) лингвистическое исследование ориентируется прежде всего на вербализацию оценки, поэтому предметом анализа является оценка, стереотип, ритуал, мифологемы, паралингвистическая ситуация,

прецедентность; 2) имагология опирается на зеркальное восприятие стран и народов, в лингвоимагологическом исследовании это не нужно. Например, Н. С. Гумилев в цикле стихов, посвященном Африке, описывает животный мир (331 упоминание), страны (10 упоминаний), водоемы (9 упоминаний), европейцев (6 упоминаний), Африку в целом, ландшафты (по 4 упоминания), растения и людей (по 3 упоминания), то есть предстает довольно полная картина, чего не скажешь об обратном – рецепции России африканцами, для них Россия – страна далекая и почему-то дикая. В стихотворении «Галла» поэт пишет:

*И таинственный город, тропический Рим,
Шейх-Гуссейн я увидел высокий,
Поклонился мечети и пальмам святым,
Был допущен пред очи пророка.
Жирный негр восседал на персидских
коврах
В полутемной неубранной зале,
Точно идол, в браслетах, серьгах и
перстнях,
Лишь глаза его дивно сверкали.
Я склонился, он мне улыбнулся в ответ,
По плечу меня с лаской ударя,
Я бельгийский ему подарил пистолет
И портрет моего государя.
Все расспрашивал он, много ль знают о
нем
В отдаленной и дикой России... [1 : 299].*

Понятно, что зеркальности в тот период быть не может; 3) главное различие в аспекте заявленной темы статьи – материал для анализа, организованный в жанры. Имагология прежде всего ориентируется на публицистику, хотя возможны мемуары. Лингвоимагология опирается на личные впечатления, как правило, они отражаются в путевых заметках, письмах, хотя не исключаются мемуары и даже художественные тексты. Особое место занимают публицистические статьи и заметки. Они, в зависимости от содержания, могут стать материалом для лингвоимагологического анализа. Однако впечатления не могут быть сиюминутными, подверженными, например, политической конъюнктуре, поэтому в лингвоимагологии актуальна журнальная публицистика, поскольку она предполагает вынашивание материала.

Попытаемся снять одно явное противоречие. В качестве объекта лингвоимагологии обозначен образ народа или страны в глазах другого народа, при выборе жанра материала

для анализа ориентируемся прежде всего на личные впечатления. Для объяснения данной антиномии обратимся к концепции вариантности / инвариантности В. М. Солнцева: «... инвариантом следует называть некоторый абстрактный предмет, характеризующийся абстрактными свойствами. Инвариант, следовательно, есть то общее, что объективно существует в классе относительно однородных предметов или явлений. Инвариант как абстрактный “предмет” конструируется мысленно путем извлечения общего из ряда предметов или явлений и отвлечения от несущественных для существования данного класса различий между предметами. Инвариант есть идеальный объект, который может быть использован для изучения общих свойств данного ряда предметов и любого предмета, входящего в этот ряд» [2 : 88].

В нашем случае инвариант – русское мировидение, во многом обусловленное русским языковым сознанием и русской языковой картиной мира. Вариант – индивидуальное видение. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что оценка у разных авторов в целом совпадает, различия ее языковое воплощение, что обусловлено степенью дарования автора, а также ее аспекты, связанные прежде всего со степенью его наблюдательности. Мы ориентируемся на тексты людей талантливых, поскольку именно они способны адекватно воспринять и описать увиденное.

Каждый из авторов воплощает вариант мировидения [2 : 89] по отношению к русскому мировидению (инвариант).

Подчеркнем, что в оценке важную роль играет хронологический фактор. Сравним для примера оценку Германии в XVIII, XIX, XX в. и в наши дни. Национальное мировидение, языковая картина мира – категории неизмеримо более стабильные, именно они диктуют общий подход к оценке народа или страны. По нашим наблюдениям, русские путешественники смотрят на мир внимательно, доброжелательно, эмоционально оценивая природу, быт и нравы других стран и народов.

Почему так важны эпистолярные и путевые заметки?

Одно из первых систематических впечатлений от путешествий находим в «Записках княгини Е. Р. Дашковой», сподвижницы Екатерины II, страстной умной путешественницы. Она подчеркивает: «У путешественника должны быть постоянно открыты глаза и

уши: потому что сцена изменилась и размышление, вызванное ею, исчезает вмѣстѣ съ ней»¹ [3 : 341]. Но наблюдение не должно быть пассивным, необходимо сформулировать цели, что Е. Р. Дашкова и делает в наставлениях сыну: «Предметы твоего наблюдёнія такъ разнообразны и многочисленны, что я укажу тебѣ только некоторыя, главныя. Сюда относятся свойство и форма правленія, законы, нравы, вліяніе, народонаселеніе, торговля; географическія и климатическія условія, иностранная и внутренняя политика, произведенія, религія, обычаи, источники богатства, дѣйствительныя и мнимыя средства общественнаго кредита, подати, пошлины и различныя условія различныхъ сословій. Эти изслѣдованія достойны вниманія философа и ни одинъ путешественникъ не долженъ пренебрегать ими, если только онъ не хочетъ остаться тупымъ и бессмысленнымъ зрителемъ всѣхъ этихъ явленій, не способнымъ ни къ умственному, ни нравственному совершенству» [3 : 341–342].

Изучать жизнь чужих земель нужно с точки зрения пользы для родной страны: «...сравнивая иностранную жизнь съ жизнью своего отечества, стараясь исправить, что найдешь въ немъ дурнаго, учреждая, что сочтешь полезнымъ его благосостоянію – ты будешь другомъ и благодѣтелемъ своей страны» [3 : 344].

Еще один момент, ставший ключевым в курсе межкультурной коммуникации (в представлении С. Г. Тер-Минасовой): «...непростительно грубо и несправедливо судить объ одномъ народѣ по мѣркѣ другого» [3 : 344].

Итак, главная задача русского путешественника – глубокое и всестороннее изучение жизни другого народа и страны. Поскольку процесс познания всегда сопровождается оценкой (у писателей она непременно эмоциональна в силу специфики их мировидения), лингвоимагологический анализ предполагает прежде всего изучение вербального воплощения данной категории.

Подчеркнем, что указанная цель реализуется прежде всего в русской культуре. Для немцев, например, по утверждению Г. Белля, важнее другое: «они...так много путешествуют, ищутъ гуманнаго и социальнаго в другихъ мѣстахъ, дивятся буднямъ другихъ странъ» [4 : 176]; «Лавину туризма,

эту горячку путешествій можно истолковывать и какъ бѣгство изъ страны...» [4 : 199]. Обратим внимание еще раз на роль хронологического фактора. Наши современники если не бегут из своих стран, то и программу Е. Р. Дашковой тоже не выполняют, во главу угла сейчас ставится прежде всего знакомство с культурой и искусством посещаемых стран.

Вернемся к заявленной в названии статьи проблеме и обратимся к характеристике русскими путешественниками **Англии** в текстах разных жанров с учетом времени их написания.

Итак, первой была Е. Р. Дашкова. Нам доступны ее записки – один из жанров эпистолярного стиля. Англию в целом она не характеризует, однако описывает впечатление от посещения Шотландии и Ирландии.

Русская путешественница демонстрирует прекрасное знание истории. Так, об Эдинбурге она пишет: «Въ Эдинбургѣ я наняла себѣ квартиру въ домѣ Голигодъ, въ древнемъ дворцѣ Шотландскихъ королевъ; здѣсь я часто вспоминала исторію легкомысленной и несчастной Маріи Стюартъ; печальная судьба ея напечатлѣвалась на каждомъ окружающемъ предметѣ» [3 : 137].

Е. Р. Дашкова весьма благожелательно обобщает черты ирландского характера: «Вечера наши всегда проходили въ умномъ и благовоспитанномъ обществѣ, одушевленномъ свободой манеры, свойственной Ирландскому характеру» [3 : 140].

Представление ирландцев о русских мягко высмеивается: «Ея желаніе было закономъ для меня; я составила арію въ четыре голоса; послѣ двухнедельнаго приготовленія она была пропѣта въ присутствіи многочисленнаго собранія, которое съ любопытствомъ пришло послушать, на что способна Русская медвѣдица в музыкальномъ искусствѣ» [3 : 141].

Под впечатлением этого события Давид Гаррик в письме (также эпистолярный стиль) к Е. Р. Дашковой написал: «...я боюсь, чтобъ не сбылось пророчество одного изъ нашихъ поэтовъ, что “Россия будетъ наставницею въ искусствахъ для Британскаго острова”. Продолжайте, ваше сіятельство, служить честью вашей родины и украшеніемъ нашей» [3 : 348].

Характеризуя образ правления Ирландией, Е. Р. Дашкова использует совершенно неожиданный образ, свидетельствующий о ее познаниях в естественных науках: «Какой чудной страной была бы Ирландія, еслибъ

¹ Сохраняем графику, орфографию и пунктуацию первоисточника.

правители ея не были слишкомъ дальновидны, когда надо рассмотреть богатства, лежащая у нихъ подъ носомъ и слишкомъ близоруки, когда дѣло идетъ о томъ, что лежитъ отъ нихъ подальше. ... За всѣмъ темъ Англія такъ богата оптиками, что кто нибудь вѣрно изобрѣтетъ средство противъ дальнорзости и близорзости, а тогда все будетъ хорошо» [3 : 346]. Следовательно, благополучие Ирландии Е. Р. Дашкова видит под покровительством Англии.

Следующий автор, к письмам которого мы обращаемся, – Д. И. Фонвизин, автор «Бригадира» и «Недоросля», известный переводчик и государственный чиновник. Он ехал через всю Европу во Францию, где должны были вылечить и вылечили его жену. Письма адресованы родственникам, прежде всего сестре, а также шефу – П. И. Панину и другим современникам.

Письма содержат путевые впечатления о Европе XVIII в., они носят личный характер, хотя составитель, комментатор и редактор собрания сочинений Г. П. Макогоненко утверждал: «К письмам из Франции мы обязаны относиться как к художественному произведению, предназначавшемуся для печати» [5 : 631]. Есть все основания рассматривать письма Д. И. Фонвизина как жанр в рамках эпистолярного стиля.

До Англии автор не доехал, а на страну он смотрел с точки зрения дорогой его сердцу Франции: «*Англичанъ здесь терпеть не могут... напротивъ того, хороши и англичане. Заехавъ в чужую землю, потому что в своей холодно, презирают жителей в глаза и на все их учтивости отвечают грубостью. Всего смешнее говорят они по-французски. Американские их дела доходят до самой крайности, и они в таком отчаянии, что думать надобно, отступятся от Америки и, следовательно, объявят войну Франции: ибо издревле всякий раз, когда ни доходила Англія до крайнего несчастья, всегда имела ресурсом и обычаем объявить войну Франции» [5 : 433].*

Таким образом, по сути повторяется мысль Е. Р. Дашковой о необходимости уважительного отношения к другим странам и народам, англичане осуждаются прежде всего за то, что этого правила не придерживаются. Д. И. Фонвизин посмеивается над французской речью англичан, тогда как всякий мало-мальски образованный россиянин в совершенстве владел французским, хотя данный факт порождал перекося, при-

водящие к галломании, о чем с горечью писали Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь и др.

Перу Н. М. Карамзина принадлежат вышедшие в свет в конце XVIII в. «Письма русского путешественника». В отличие от писем Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзин, вслед за Л. Стерном, создает новый для русской литературы жанр: «*Наши соотечественники давно путешествуют по чужим странам, до сих пор никто из них не делал этого с пером в руке» [6 : 93]. Письма составляются от лица некоего «молодого человека»: «Все интересует его: достопримечательности городов, мельчайшие различия в образе жизни их обитателей, монументы, воскрешающие в его памяти различные знаменательные события; следы великих людей, которых уже нет на свете; приятные ландшафты, вид плодородных полей и безбрежного моря» [6 : 193].*

Сам Н. М. Карамзин посетил Англию в 1790 году. Обратим внимание на два момента: во-первых, в русской литературе создается новый жанр, лежащий на пересечении публицистики, художественно-беллетристического и эпистолярного стилей – письма путешественника. От публицистики у писем открытая авторская позиция, незавуалированная оценочность, неслучайно в двухтомнике произведений Н. М. Карамзина они помещены в раздел «Критика»; от художественной прозы живописность и образность, от эпистолярная – сиюминутность впечатлений. Во-вторых, поскольку письма написаны от имени некоего третьего лица, формируется новая категория – образ автора, разработке которого так много внимания уделил В. В. Виноградов, а затем и его последователи.

Восприятие Англии русским путешественником в интерпретации Н. М. Карамзина противоречивое, что сказывается в микротексте, построенном на антитезах и оформленном параллельными сложными синтаксическими конструкциями: «*Мне <русскому путешественнику – Л.И.> нравится Англія, но я не хотел бы провести здесь всю мою жизнь. Мне нравится вид ее великолепных городов и веселых деревень, ее парки и лужайки; но мне не нравится ее унылый климат, ее вечные туманы, заволакивающие солнце. Мне нравится твердый характер англичан и даже их странности, но мне не нравится, что они угрюмы и флегматичны. Мне нравится их просвещенность и безукоризненная честность в делах; но мне не нравится ни их*

расчетливая скупость, желающая разорения всех других народов, ни их презрение к бедности, что возмущает мое сердце. Мне нравится, что они горды своей конституцией, но не нравится, что они торгуют местами в парламенте. Мне нравится крылатое красноречие Шеридана и Фокса, но не нравится ни их холодное действие, ни однообразная интонация их фраз. Мне нравятся трагедии Шекспира, но мне не нравится, как безвкусно их играют в Лондоне. Нравится мне также английская кухня, но вовсе не нравятся необычайно длинные трапезы, во время которых изрядно пьют и мало забавляются и, наконец, я больше люблю англичанок, чем англичан, потому что они в большинстве своем хорошо воспитаны, романтичны и чувствительны, что вполне отвечает моему вкусу. Я и в другой раз приехал бы с удовольствием в Англию, но выеду из нее без сожаления» [6 : 98].

Приносим свои извинения за величину цитаты, но пересказать ее, не утратив блеска первоисточника, мы не в силах. Обратим внимание на многообразие и широту охваченных в характеристике явлений.

Англичанки вызывают неизменное восхищение русского путешественника: *«Первое, что поражает ... в Англии, – красота английских женщин; нежная томность их взоров, выражение чувствительности на их лицах, которое, казалось бы, говорит: “я умею любить”» [6: 98].* Нечто подобное в стихотворении Н. С. Гумилева «Баллада»: *«И нежные задумчивые леди» [1 : 158].*

Об англичанине автор судит сурово, сопоставляя его с французом: *«...смешной каламбур радует его <француза – Л.И.> не меньше, чем скупого англичанина – открытие нового острова, ибо англичанин рассматривает весь свет и всех людей как объект спекуляции на лондонской бирже» [6 : 97].*

Характеристика «скупой» однозначно отрицательна, однако автор аргументирует ее с позиций геополитики.

Русский путешественник высоко ценит патриотизм англичан и негативно отзывается о звучании английского языка: *«Язык важен для патриота; и я люблю англичан за то, что они лучше хотят свистать и шипеть по-английски с самыми нежными любовницами своими, нежели говорить чуждым языком, известным почти каждому из них» [6 : 229].*

В этом случае англичане противопоставляются русским дворянам, практически пол-

ностью перешедшим в быту на французский язык.

Данный фрагмент взят нами из статьи «О любви к отечеству и народной гордости» – явная публицистика, что подтверждает стилистический синкретизм «Писем русского путешественника», соответствующих критериям и публицистики, и художественно-беллетристического, и эпистолярного стилей.

Таким образом, точка зрения русского путешественника на Англию и англичан под пером Н. М. Карамзина амбивалентна: что-то нравится, что-то нет, но все отрицательные характеристики не голословны, а, как правило, аргументируются.

Подводя первые итоги, отметим, что главные жанры, дающие надежную базу для лингвоимагологических исследований, – письма (личные и художественно-публицистические), заметки и записки, посвященные путешествиям.

Однако интересную и полезную информацию можно извлечь из публицистики и даже художественной речи, в частности поэзии. Примером такого рода текстов может служить творчество А. С. Пушкина.

Если Е. Р. Дашкова и Н. М. Карамзин бывали в Англии и опирались в основном на собственные впечатления, то с А. С. Пушкиным ситуация иная. По известным политическим причинам он ни разу не выезжал за границу, поэтому оценки его базируются прежде всего на литературных и публицистических английских источниках.

С указанных позиций рассматриваемый материал распадается на две части. Первая – видение А. С. Пушкиным Англии и англичан, зафиксированное в публицистике и эпистолярной; вторая – в главном произведении: романе в стихах «Евгений Онегин» (данные наблюдения отражены в нашем пособии «Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А. С. Пушкина “Евгений Онегин”)» [7].

Обратимся к первой части – критике и публицистике. В статье «Англия есть отечество карикатуры и пародии...» А. С. Пушкин пишет об Англии: *«Англия есть отечество карикатуры и пародии. Всякое замечательное происшествие подает повод к сатирической картине; всякое сочинение, ознаменованное успехом, подпадает под пародию, искусство подделываться под слог известных писателей доведено в Англии до совершенства. Вальтеру Скотту показали однажды стихи, будто бы им сочиненные. “Стихи, кажется, мои, – отвечал*

он смеясь. – Я так много и так давно пишу, что не смею отречься и от этой бессмыслицы!» [8 : 61–62].

Англия для русского поэта – место производства и торговли продукцией легкой промышленности: «...торгует Лондон щепетильный» («Евгений Онегин»), однако положение рабочих вызывает возмущение и горячее сочувствие: «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство с одной стороны, с другой какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смита или об иголках г-на Джаксона. И заметьте, что все это есть не злоупотребления, не преступления, но происходит в строгих пределах закона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника, но посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч 5 или 6 народу и лишаящей их последнего средства к пропитанию» [8 : 395].

Микротекст распадается на три части. Первая – предельно эмоциональная оценка положения английских рабочих: фразеологизм «волосы встают дыбом от ужаса», его конкретизация в синонимическом ряду «истязания», «мучения», «варварство», не менее суровые определения «отвратительное», «страшная», «холодное». Данный фактор соотносится с прецедентными символами жестокого подневольного труда – строительство пирамид.

Вторая часть – возмущение по поводу обычности и даже узаконенности такого рабского труда, что проявляется, во-первых, в обобщенных номинациях промышленной продукции «сукна», «иголки», во-вторых, в самых распространенных английских фамилиях Смит и Джаксон. Интересно синтаксическое оформление: первое предложение с бессоюзной связью и обобщающим словом «нет», второе предложение – присоединительная конструкция с союзом «и» и однородными членами предложения «не злоупотребления», «не преступления», затем противительный союз «но», утверждающий законность происходящего.

Третья часть – горькое удивление по поводу создающегося противоречия: машины, призванные избавить от «каторжной» ра-

боты, «лишают 5 или 6 тысяч народу последнего средства к пропитанию» (об одежде, духовной пище и т.п. речь даже не идет).

Говоря об англичанах, А. С. Пушкин подчеркивает их гордость и храбрость: «Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуни метать в тебя грязью! посмотрите на английского лорда: он готов отвечать на учтивый вызов gentleman и стреляться на кухонных пистолетах или снять с себя фрак и боксировать на перекрестке с извозчиком. Это настоящая храбрость» [8 : 308].

Удивление оформлено восклицательной конструкцией с инициальным «что за...». Демократичность английского лорда эксплицируется посредством двоеточия в бессоюзной конструкции. Итоговая положительная оценка – «это настоящая храбрость».

К сожалению, объем данной статьи не позволяет проанализировать восприятие и оценку русскими поэтами вообще и А. С. Пушкиным в частности английского поэзии в целом и наиболее ярких ее представителей. Так, А. С. Пушкин писал о В. Шекспире, Д. Г. Байроне, Д. Мильтоне, В. Скотте, в романе «Евгений Онегин», «энциклопедии русской жизни», Англия представлена 9 именами: Байрон, Бентам, Гиббон, Прадт, Ричардсон, Сей, Скотт, Смит, Шекспир. Герои Шекспира стали в современной русской культуре коннотонимами (отсылаем к нашей статье «Освоение инокультурных онимов в русском языковом сознании», базирующейся на словаре Е. С. Отина «Словарь коннотативных собственных имен». – Донецк, 2004 [9]).

Последний жанр, к которому мы обращаемся, – научно-популярная статья. В данном случае речь идет о работе Н. В. Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени» [10], в которой автор связал архитектуру, религию, географическое расположение страны. (Отсылаем к нашей статье «Синтез науки – архитектуры – религии как предмет лингвоиматологического описания (на материале публицистики Н. В. Гоголя» [11]). Англия русский писатель воспринимает прежде всего сквозь призму архитектуры: «В Англии все новые церкви строят в готическом вкусе. Они очень милы, очень приятны для глаз, но, увы, истинного величия, дышащего в великих зданиях старины, в них нет. Они, несмотря на стрельчатые окна и шпицы, не сохраняют в целом готического вкуса и уклонились от образцов» [10 : 49–50].

Поясним, что английская архитектура рассматривается на фоне древней египетской, аравийской, поэтому, естественно, она выглядит молодой. В целом английская готика оценивается отрицательно, хотя новые церкви «приятны для глаз», «милы». Так может быть охарактеризовано что угодно – картины, одежда и т.п., но никак не нечто крупное и грандиозное. Данное противоречие проявляется в противительной конструкции и междометии «увы».

С точки зрения Н. В. Гоголя, достоинства готики продемонстрировал прежде всего В. Скотт: «*Вальтер Скотт первый отрянул пыль с готической архитектуры и показал свету все ее достоинство. С того времени она быстро распространилась*» [10 : 49].

Как и А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь пишет о Д. Г. Байроне и В. Скотте.

Подведем некоторые итоги.

1. Достоверность всякому исследованию, в нашем случае лингвоимагологическому, обеспечивает прежде всего материал для анализа, а он, в свою очередь, организован в жанры. Наиболее адекватными для лингвоимагологического анализа являются письма, путевые заметки, хотя интересный материал могут содержать журнальные публицистические статьи и даже некоторые художественные тексты.

2. Информативная ценность указанных жанров обусловлена прежде всего личностью и талантом автора. Именно талантливый наблюдательный эрудированный человек способен максимально полно воспринять чужой народ и страну, отобразить точку зрения своего народа, то есть его видение и оценка – вариант по отношению к инварианту – народному мировосприятию.

3. Пример Англии и англичан свидетельствует о внимательном, доброжелательном и максимально объективном взгляде русских писателей и общественных деятелей на данную страну и ее народ.

4. В статье анализируются произведения авторов XVIII – XIX веков, однако коннотация английских онимов отражает преимущество в оценке Англии и англичан в наше время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумилев Н. С. Стихи. Письма о русской поэзии. М. : Художественная литература, 1990. 447 с.
2. Солнцев В. М. Абстракции и проблема абстрактных сущностей в лингвистике // Энгельс и

языкознание : сб. статей. М. : Наука, 1972. С. 81–106.

3. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Репринтное воспроизведение. Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. М. : Наука, 1990. 528 с.

4. Белль Г. Франкфуртские лекции / Публикация А. Карельского // Вопросы литературы. 1988. №5. С. 169–214.

5. Фонвизин Д. И. Письма и дневники. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. М. ; Л.: ГИХЛ, 1959. 742 с.

6. Карамзин Н. М. Сочинения в двух томах. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории государства Российского». Сост. Г. П. Макогоненко. Л. : Художественная литература, 1984. 456 с.

7. Иванова Л. П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин») : учеб. пособие. 2-е изд. доп. Киев : Освита Украины, 2006. 140 с.

8. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. VI. Критика и публицистика. М., 1962. 590 с.

9. Иванова Л. П. Освоение инокультурных онимов в русском языковом сознании // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63). №2. Ч. 2. С. 9–14.

10. Гоголь Н. В. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 6. Избранные статьи и письма. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1950. 359 с.

11. Иванова Л. П. Синтез науки – архитектуры – религии как предмет лингвоимагологического описания (на материале публицистики Н. В. Гоголя) // Мир русского слова. 2015. №1. С. 52–56.

REFERENCES

1. Gumilev N. S. *Stihi. Pisma o russkoj poezii* [Poetry. Letters of Russian poetry]. Moscow, 1990. 447 p.
2. Solntsev V. M. Abstraktsii i problema abstraktnyh suschnostey v lingvistike [Abstractions and the problem of abstract entities in linguistics]. *Engels i yazykoznanie: sb. statey* [Engels and linguistics: collection of articles]. Moscow, 1972, pp. 81–106.
3. *Zapiski knyagini E. Dashkovej* [Memoirs of Princess E. Dashkova]. Moscow, 1990. 528 p.
4. Belle G. *Francfurtskie lekcii* [Frankfurt lectures]. *Voprosy literatury* [Questions of literature]. Published by A. Karelskiy. 1988, no. 5, pp. 169–214.
5. Fonvizin D. I. *Pisma i dnevniki*. [Letters and Diaries]. *Sobr. soch.: v 2 t.* [Collection of works: in 2 vol.]. Vol. 2. Moscow; Leningrad, 1959. 742 p.
6. Karamzin N. M. *Sochineniya v duh tomah* [Works in two volumes]. Vol. 2. Criticism. Journalism. Chapters from «History of the Russian state». Leningrad, 1984. 456 p.

7. Ivanova L. P. *Otobrazhenije yazykovoj kartiny mira avtora v hudozhestvennom tekste (na materiale romana A. S. Pushkina «Evgenij Onegin»)* [Display of the linguistic worldview of the author in a literary text (based on the novel by Alexander Pushkin's «Eugene Onegin»): textbook]. 2-nd ed. Kiev, 2006. 140 p.

8. Pushkin A. S. *Sobranije sochinenij v 10 tomah. T. VI. Kritika i publicistika* [Collected Works in 10 volumes. Vol. VI. Criticism and journalism]. Moscow, 1962. 590 p.

9. Ivanova L. P. *Osvoenie inokulturnyih onimov v rusском yazykovom soznanii* [Assimilation of other cultures onyms in Russian language consciousness] *Uchyonye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo*

universiteta [Scientific papers of Tavria national university]. Vol. 24 (63), no. 2, part 2. 2011, pp. 9–14.

10. Gogol N. V. *Sobranie sochinenij v 6 tomah. Tom 6. Izbrannyje statji i pisma* [Collected Works in 6 volumes. Vol. 6. Selected articles and letters]. Moscow, 1950. 359 p.

11. Ivanova L. P. *Sintez nauki – arhitektury – religii kak predmet lingvoimaglogicheskogo opisaniya (na materiale publitsistiki N. V. Gogolya)* [Synthesis of science – architecture – religion as a subject lingvoimagological descriptions (on the material of N. Gogol's publicist works)]. *Mir russkogo slova* [World of Russian word]. 2015, no. 1, pp. 52–56.

Статья поступила в редакцию 21.05.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Иванова Л. П. Жанровые основания лингвоимагологического анализа // *Жанры речи*. 2016. №1. С. 148–155. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-148-155.

FOR CITING

Ivanova L. P. Genre base of lingvoimagological analysis. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 148–155. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-148-155. (in Russian).